

Аркадий Александров

**СЕРАЯ
ЗОНА**

Аркадий Александров

Серая зона

«Автор»

2026

Александров А.

Серая зона / А. Александров — «Автор», 2026

Военный остросюжетный детектив. Все происходит весьма динамично и не затянуто. Главные герои - те же, что и в книгах "Флэшка" и "Позывной "Кедр". Алексей возит гуманитарную помощь в зону СВО. Он снова оказывается втянут в игрища спецслужб, противоборство интересов коррупционеров и сотрудников правоохранительных органов. Действие происходит рядом с линией боестолкновения и на "новых территориях".

© Александров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Аркадий Александров

Серая зона

Для лучшего понимания происходящего, рекомендую прочесть сначала книги «Флэшка» — <https://www.litres.ru/74305319/> и «Позывной «Кедр» — <https://www.litres.ru/74364789/>

Все основные события, приведенные в данной книге – плод воображения автора, все совпадения случайны.

Все действующие лица, представленные в данной книге, их фамилии, имена, отчества, позывные – плод воображения автора, все совпадения случайны.

Все примечания (ссылки) в тексте – авторские.

Предисловие автора.

Серая зона это ничейная полоса, где свои правила. Не только на поле боя, но и в общественном бытии. Это та плоскость, где юридические нормы применяются неоднозначно, часто согласно традициям, а законы размыты. Это область неопределённости, где ответственность не прописана, а все действия осуществляются интуитивно. Все процессы сложны и их невозможно охарактеризовать однозначно. Там нет чётких моральных ориентиров. И диапазон значений таков, что любая система координат не даёт четкого ответа – что «хорошо», а что «плохо».

Глава 1.

Звук пришел сверху. Противный, высокочастотный зуд, который перекрыл гул движка моего «Дукато». Трещание бензомоторчика и трепет пластиковых лопастей. Дрон, сука! Я узнал его сразу — такие собирают не только на заводах, но и в гаражах, приматывая изолентой камеры и взрывчатку.

Как говорится, если слышишь бензопилу прямо над собой, ты или мертв или очень везучий сукин сын.

«Булат»¹ уже несколько минут заливался истошным писком, но «птичек»² я не видел и не слышал. Вся «прелесть» детекторов в том, что они могут реагировать на любые радиостанции, линии электропередач и активную работу РЭБ. Поэтому, если «Булат» верещит резанным кабанчиком, это еще ничего не значит. Впрочем, если он молчит, то это тоже ничего не значит – на оптоволоконный дрон может и не реагировать...

Сейчас же все сразу – и пищание «Булата», и зуммер «птичек». Время растянулось в кисель. Я дал по тормозам. Фиат чуть занесло на новеньком асфальте и гравийной обочине. Действовал я мгновенно, но мне казалось, что необычайно медленно.

Одной рукой я заглушил мотор, одновременно другой, левой, дернул ручник³. Тут же резко толкнул дверь плечом. Она распахнулась, больно приложив меня по колену. Я выскочил из авто. Противное жужжание доносилось сверху и чуть правее меня. Я кинулся через дорогу и нырнул в придорожный кювет, больно приложившись о торчащий корень бедром и ободрав локоть о гравий. На встречке, метров за пятьдесят до меня, со скрежетом и скрипом остано-

¹ Противодроновый детектор.

² Сленговое название воздушных беспилотников.

³ У Фиат-Дукато ручной тормоз под левой рукой водителя, между сидением и дверью.

вился военный «уазик», без верха и полный людей. Сзади застыл пыльный кроссовер, обклеенный пошлыми стикерами «За наших».

Не успели военные выскочить из своей машины, как на моих глазах черная пластиковая пчела спикировала точно в него. Вспышка была беззвучной, грохот догнал секунду спустя. УАЗ разорвало пополам, «птичка» несла явно больше полкило тротила. Во все стороны брызнуло закаленное стекло, куски пластика и ошметки того, что секунду назад было людьми. Понесло жженой проводкой, кислым запахом взрывчатки и сладковатой, тошнотворной вонью паленого мяса.

Я лежу щекой на теплой земле, вцепившись в сухую траву. Сверху больше ничего не свистит. Визг сервоприводов исчез.

Левое ухо заложило... Но правым я слышу потрескивание тлеющего пластика и вой. Тонкий, захлебывающийся стон откуда-то из под развороченного и чадающего «уазика».

С шипением рядом затормозил КАМАЗ, из которого повыскакивали люди в военной форме, вытащили пару огнетушителей и бросились на помощь...

...Лето плавит асфальт на подъезде к Ростову. Для меня это время года пахнет не липой, а горячей резиной, раскаленным железом и сухой, вьедливой пылью степей.

Три года назад я сидел в скучном офисе в одном крупном российском городе-миллионнике. Цифры в Excel тогда казались мне важнее законов физики.⁴ Теперь же я смотрю на войну из-за руля, и она превратилась в рутину. В бесконечную логистическую задачу уровня «хард», от которой ноет поясница.

Наши машины с логотипами фонда знают на всех блок-постах от Ростова до Купянска и Энергодара. Мы возим всё – электрогенераторы, консервы, бинты и лекарства, носки и футболки, раскладушки, гвозди, беспилотники. На любой войне всегда чего-то не хватает...

Иногда военные поручают нам какие-то свои, чуть ли не секретные, грузы, в опечатанных ящиках. Но это не часто, тем более, что особо ценное и особо секретное им положено охранять не только на складах, но и в пути. Ну а уж оружие и товары исключительно военного предназначения нам не положены. Но вот если что-то оформить, как гражданский груз, но для войск, типа, двойного предназначения – то пожалуйста!

А чем ближе к ЛБС, тем больше самых обыденных товаров становятся двойного предназначения. Та же самая питьевая вода летом ценится дороже патронов. А зимой – шерстяные носки.

Я изучил эту войну не по штабным картам, а по графику работы весового контроля. Знаю, что на посту «Шахтерский» лучше сунуть конверт прапору Жоре во вторую смену, а в первую — сержанту Саньку. Они пропустят без очереди и рентгена, просто забрав ксерокопию описи имущества. На «Первом элеваторе» тоже берут, но только консервами и водой, «в фонд роты». Иначе устроят досмотр по полной, и это продлится до второго пришествия.

В Ростове бумажная волокита превращается в лабиринт Минотавра. Вся «гумка»⁵ — это бюрократия, обмотанная разноцветным скотчем. Списки, графики, накладные... Очередные тонны бумаг, которые подтверждают легальность тонн груза. Груза, который спасет чью-то жизнь там, впереди, чтобы какой-нибудь кабинетный деятель далеко в тылу, смог закрыть дыру в годовом отчете и купить дочке квартиру.

Хотя наш учредитель отнюдь не из таких. Это весьма состоятельная семья, чей сын не захотел оканчивать Гарвард, а стал танкистом. И погиб через полгода после начала СВО⁶...

Я научился спать сидя, просыпаясь от малейшего провала оборотов движка. Иногда получается определять калибр по свисту. Знаю, что если машину тормозит Росгвардия, а не

⁴ Этот период описан в книге «Флэшка».

⁵ Гуманитарная помощь.

⁶ Это описано в книге «Позывной «Кедр».

«гайцы»⁷ или армейцы — приехали серьезные люди с проверками. Мой мир сузился до пятна света фар, выхватывающего ямы в асфальте, до хрипа рации, до усталого взгляда комбата под Работино, принимающего груз.

Для меня эта война стерта до серого цвета. Серые лица людей в очереди за хлебом. Серая пыль на зубах. Серый дым сгоревшей фанеры после прилета по ПВД⁸. Здесь не кричат «уря-уря!», не совершают подвиги. Тут работают и выживают. Для меня эта война — усталая механика обмена: я везу им еду и тепло из тыла, они отправляют обратно искалеченные судьбы, обколотые «обезболом»⁹ или упакованные в цинк.

... Через три дня после того, как меня чуть не нашинковало «птицей» на проселке под Мариуполем, я снова стоял в промзоне Ростова. На война нет времени на психотерапию, если тебя не списали глубоко в тыл. Коль руки держат руль, а глаза видят дорогу, ты в строю.

Склад гудел растревоженным ульем. Вентиляция не справлялась с июльским пеклом, пахло горячим маслом от работающих погрузчиков и застарелым потом десятка кладовщиков. Мы готовили очередную «гумконвой», грузовик и мой «Фиат». Очередная партия генераторов, воды, бинтов и коробок с «сухим душем». А еще опечатанные серые пластиковые ящики, которые должны были забрать военные еще два дня назад. Но не забрали. И пришлось срочно оформлять все на нас.

— Леший, мать твою! — ко мне подбежал Витя, старший смены, размахивая распечаткой. На лбу у него блестяла испарина. — Ты что привез прошлый раз? Какая нахрен «ИзиЛайн»? Должны быть мы!

— Какие мы, Витя? — я устало прислонился к пыльному борту микроавтобуса. — Меня на Веселом таможня тормознула, пригрозили выгрузить всё до винтика. Пришлось перекидывать груз местным ребятам, с «ИзиЛайн». Они полупустые шли. Бумаги переделали на коленке. Какая разница, кто везет, если в одну точку едут?

— Да, блин! Но доверенность же!

— Кому она нужна! — махнул я рукой. — Ты лучше скажи, какого хрена у нас загружено сорок две коробки. А должно быть сорок три! Ведь «сухого душа» в коробке по 12 флаконов! По накладным 516 бутылок. А это сорок три коробки! А их...

— Да епонамама! — вскричал Витька. — Клавка, небось, сперла! В прошлый раз туалетную бумагу, до этого мыло! Тлять, выгоню нахрен!

И Витька умчался за стеллажи. Парень он смысленный, но постоянно тут волонтерить не может — у него сестра тяжело больна, онкология. Он с трудом пристроил ее лечиться в Москве. Поэтому постоянно где-то подрабатывает — лечение и московский быт обходятся не дешево.

— Чего шумишь? — раздался сзади мелодичный женский голос.

Я обернулся. Это была Оля, наша бухгалтерша. Она появилась полгода назад и почти все наше мужское население сделало стойку — рыжеволосая стройная и задорная. Необремененная семьей и какими-либо серьезными отношениями. Я, понятное дело, тоже восторженно встретился. Сейчас мы не жили вместе, но встречались. И все знали, что мы, как это говорится, вместе.

— Да опять путаница с бумагами! — ответил я. — Слушай, мы завтра чух-чух, так что вечером отправляемся с тобой в любимую ресторанцию.

Он, улыбаясь, подошла ко мне вплотную и спросила:

— Ты когда нормальную квартиру снимешь?

Последний месяц я жил в недорогой и, соответственно, не самой лучшей гостинице — в квартиру, которую я снимал, влетел сбитый во время одного из налетов беспилотник. По счастью я был в это время в отъезде.

⁷ Сотрудники ГИБДД.

⁸ Пункт временной дислокации.

⁹ Обезболивающие средства.

На ее вопрос я лишь вздохнул – заниматься поиском квартиры было некогда.

— Тогда может, наконец-то, переедешь ко мне? Я не думаю, что хозяйева будут возражать.
— сказала Оля.

Жить вместе было ее желанием. Но пока не моим. Я ответил:

— Давай об этом подумаем, когда вернусь.

Теперь вздохнула она:

— Тогда сегодня после ресторана снова ко мне. Я в твою гостиницу не поеду. Я не проститутка и не тайная любовница по гостиницам шариться.

Я усмехнулся и ответил:

— Договорились!

— Кстати, ты так и не ответил по поводу отпуска. Пока ты мотаешься за «ленточкой»¹⁰, я бы забронировала. Есть несколько «горящих» в Турцию.

— Э-э... Ну... А давай! Бронируй! – ответил я.

— Оп-па! – вдруг воскликнула она, взглянув в сторону въездных ворот через распахнутые двери склада. — А это кто такие?

Я посмотрел туда же. Там, отсекая полуденный зной, встали два бронированных «Патриота» Росгвардии с «Кордами»¹¹ на турелях. Из них вышли люди. Легкие бронекирасы поверх серо-синих футболок, шлемы без забрал.

Вежливость спецназа пугает больше, чем открытый мат. Они двигались плавно, занимая сектора обстрела между паллетами, контролируя слепые зоны. Никто не клацал затворами, никто не бил прикладами по ребрам.

За ними семенили двое в гражданском — брюки и светлые рубашки казались здесь театральным реквизитом. Один высокий, костистый, похожий на сушеную воблу. Второй пониже, круглолицый, с папкой-планшетом.

— Твою же мать! – вырвалось у меня. — Снова здорова! Проверка! Как, мля, не вовремя! Как бы не пришлось завтрашнюю отправку отменять! – вырвалось у меня.

Костистый достал удостоверение, ткнул им в лицо Иванычу, управляющему нашим отделом фонда, и буднично произнес:

— Военная прокуратура. Плановая проверка логистических цепей гуманитарного снабжения военных. Приказ номер двести четырнадцать. Попрошу вас предъявить все документы на груз, отправляемый в ближайшие дни.

Управляющий вздохнул. Проверки тут случались постоянно – то какая-то комиссия тыловики от военных, то из местной прокуратуры, то внутренний аудит из головного офиса фонда. Вообще юристы в фонде ребята ушлые и каких-то серьезных промахов не допускают.

Я остался стоять возле своего «Дукато». Ольга пошла в сторону бухгалтерии. Официально я сотрудник фонда, документы у меня все в полном порядке. Груз загружен согласно спецификации.

Ко мне подошел тот, что с планшетом. Круглолицый. Он даже улыбнулся уголком рта. Сухой, канцелярский оскал. Поодаль маячил костистый и Иваныч. В руках у круглолицего были бумаги на груз.

— Предъявите, пожалуйста, груз. – вежливо, даже ласкового, произнес он.

— Прошу. — ответил я, глядя сквозь него. — Медикаменты, перевязочные материалы, питьевая вода, генераторы, «сухой душ».

— Мы видим, — кивнул человек с планшетом. — Документы в порядке. Но регламент требует выборочной проверки содержимого. Откройте кузов.

¹⁰ Сленговое название границы с новыми территориями.

¹¹ Тяжелые пулеметы калибром 12,7 мм.

Это была тонкая часть марлезонского балета. Обычно проверяющие ищут просроченные пайки, или «левый» спирт. У нас ничего такого быть не должно. Разве что водила из грузовика втихую запихнул что-то контрабандное.

Я откатил боковую дверь Фиата. Внутри, стянутые ремнями, стояли коробки и пластиковые кофры. Костистый, оставив Иваныча и подойдя к нам, заглянув внутрь, остановил взгляд на одинаковых заводских контейнерах темно-серого цвета. Тех самых, которые должны были забрать военные, но не смогли.

Проверяющего явно не интересовали картонные коробки с надписью «Гуманитарная помощь». Он кивнул круглолицему и они принялись рассматривать именно эти контейнеры. На каждом — QR-код, номер и синяя пластиковая пломба-затяжка с логотипом оборонного предприятия.

— Что внутри? — спросил костистый, не касаясь самого контейнера.

— Партия радиостанций. — ответил круглолицый, глядя в бумаги. — Комплекты связи.

— Тепловизоры? — это был не вопрос, а утверждение.

— И блоки обработки сигналов, — тихо добавил круглолицый. — Для комплексов РЭБ.

— Дефицитные позиции. Прямоком с завода. Должны были еще позавчера уйти. Да только военные не сподобились. Переоформили доставку на нас. — встрял подошедший Витька.

— При этом считаются товарами двойного назначения, а не чисто военными. — добавил я.

— А то бы фиг нам что военные отдали! А попытались — мы бы и не взяли. А так... — Витька, который стоял совсем рядом, внимательно наблюдая за мной и проверяющими, махнул рукой.

Костистый медленно наклонился. Провел пальцем по краю серого пластика. Посмотрел на целостность пломбы. Затем достал смартфон, включил фонарик и посветил на маркировку. Ему не нужно было видеть микросхемы. Ему нужен был номер партии. Он сканировал QR-код телефоном. Просто считывал данные.

Его напарник с планшетом тем временем делал пометки, сверяя количество ящиков с каким-то списком. Когда цифры сошлись, он коротко кивнул старшему.

Никто не стал взламывать замки. Никто не потребовал сорвать заводские печати, чтобы убедиться, что внутри действительно лежат тепловизионные матрицы, а не муляжи или пустота. Им достаточно было увидеть, что товар, согласно маркировкам на заводской упаковке, на месте. Это их устраивало полностью.

— Груз соответствует заявленному, — ровным голосом произнес костистый, выпрямляясь. — Пломбы целые. Маркировка штатная. Вот и хорошо.

Он даже вроде бы улыбнулся, когда вылезал из Фиата.

— Машину поставите на стоянку? — спросил круглолицый.

— Нет. — ответил я. — Здесь останется, так надежнее, под замком. Территория хоть и под охраной, но все же... Груз-то ценный.

Они одновременно кивнули, развернулись так же синхронно, как и появились. Спецназ попятился к выходу, прикрывая проверяющих. Хлопнули двери «Патриотов». Взревели моторы. Через десять секунд склад снова вонял лишь пылью и дизелем.

Глава 2.

Ольга пихнула меня локтем в ребро ровно в тот момент, когда навигатор равнодушным женским голосом сообщил: «Вы сбились с маршрута. Через триста метров развернитесь».

— Куда ты гонишь? Нафига сюда свернул? А если там шлагбаум?

— Нет там никакого шлагбаума! — раздраженно ответил я, вцепившись в руль. — Так короче, дворами часть пробки объедем.

Утренний Ростов-на-Дону давился собственной плотностью. Солнце еще не успело выжечь росу, но уже плавало асфальт на Театральной площади, и сизый чад от перегретых радиаторов стоял над улицами столбом.

Мы проспали. Что неудивительно после вчерашнего ресторана и страстной ночи. Жить у Оли, возможно, было бы правильным тактическим решением для личной жизни, но фатальным для дисциплины – гостиница была в пешей доступности до складов, а Ольгина квартира черти где.

Мой казенный Фиат Дукато остался ночевать груженым на складе. Поэтому мы прыгнули в Ольгин Hyundai Solaris. Права она получила три месяца назад, посему за руль уселся я. И теперь рвал эту жестяную коробку через утренние заторы, нарушая всё, что можно нарушить, кроме прямого столкновения.

Мельком взглянул на часы – семь-двадцать. Я сам вчера назначил отъезд на пол-восьмого. И теперь сам же опаздываю. В сердцах я ударил по рулю ладонью.

— Ну и чего ты психуешь? – воскликнула Ольга. – Думаешь, нас Клавка или Витька убьет за опоздание?

— Да плевать на Клавку! — рыкнул я, уходя на встречу через двойную сплошную под истеричный визг тормозов старого «пазика». — У нее вечный пересорт и полные сумки на вынос!

Оля лишь крепче вжалась в пассажирское кресло, одной рукой держась за ручку над дверью, другой вцепившись в ремень безопасности, пока я закладывал вираж в узкий переулок.

— Куда ты лезешь, дебил! — высунулся из окна ржавой «девятки» небритый мужик.

Я показал ему палец, не отрывая взгляда от дороги. В Ростове нельзя ездить медленно. Здесь либо ты летишь, обгоняя собственную смерть, либо стоишь в мертвой пробке на Малиновского до второго пришествия. Воздух в салоне был плотным и наэлектризованным.

В это время городской шум прорезал звук, который невозможно спутать ни с чем. Тонкий, нарастающий свист, переходящий в механический вой. А следом за ним — глухой, утробный хлопок где-то в районе Западного жилого массива.

И тут же взвыла сирена. Не старая советская тревога, которая долго раскачивается, а резкая, пульсирующая нота, бьющая прямо по барабанным перепонкам.

«Внимание всем! Воздушная опасность. Просим проследовать в укрытия». Голос из динамиков звучал так буднично, словно сообщал о перекрытии движения из-за репетиции парада. Вот, твою же мать! Вообще налеты в это время – редкость. Чаще рано-рано утром, часа в четыре-пять, или же ближе к вечеру. А тут – почти в пол-восьмого утра!

Оля побелела:

— Леша, куда?! Давай вниз! Вон туда, под мост, там ливневка глубокая!

Я даже не притормозил. Наоборот, втопил педаль газа в пол, обходя маршрутку справа, подскочив на покосившемся бордюре.

— Какая ливневка? — процедил я сквозь зубы, выкручивая руль. — Нас там завалит, если что. Мчим к складам. Там, сбоку от них, пустырь. В городе одиноких людей не выпеливают. Из машины выскочим и отбежим метров на семьдесят.

— Нас накроет по дороге! Смотри! — она вытянула руку, указывая в небо над промзоной. Синеву расчертили белые инверсионные следы зенитных ракет. Где-то высоко, невидимые глазу, работали ракеты «Тора» или «Панциря»¹², выплевывая стаю огненных игл навстречу беспилотникам. Одна из них ушла вертикально вверх, вторая заложила крутой вираж.

А потом мы увидели первый разрыв. Над крышей торгового центра километрах в двух от нас вспух черно-оранжевый гриб и воздух дрогнул раскатистым громом. Завеса пыли поднялась мгновенно, скрыв верхние этажи.

¹² Зенитные комплексы.

Дорога пошла под уклон, спускаясь в балку, где среди ангаров и штабелей металлопроката прятались склады нашего фонда. И тут я увидел, как черная пластиковая пчела стремительно приближалась сверху и сбоку от нас, нацеливаясь как раз в промзону. Она шла, двигаясь рвано, зигзагами — видимо оператор пытался обмануть РЭБ.

Я выскочил на тротуар, уходя от столкновения с грузовой Газелью и ударил по тормозам. Резина взвизгнула, машину чуть занесло, мы замерли в облаке пыли. Я следил за «птичкой». Понятно, что на нас оператору плевать. Ему нужна цель покрупнее, пока не села батарея или не сбили.

Черное пятно чуть задрало нос, беря поправку на ветер. Мне показалось, что я вижу объектив его камеры, смотрящий мне прямо в глаза...

«Птичка» дернулась вправо, потеряв высоту. Оператор явно словил помеху. Он пытался увести дрон свечой вверх, чтобы перезапустить навигацию. Но физика низких высот беспощадна.

Вместо того чтобы уйти в небо, дрон клюнул носом. Пластиковые лопасти бешено рубили воздух, пытаясь удержать равновесие, но аппарат потерял тягу. Его понесло боком, прямо над крышей нашего логистического ангара.

Он врезался в серый профнастил не по центру, а лишь чуть зацепив угол. Тротиловый эквивалент в полтора килограмма детонировал с задержкой в долю секунды, встретившись с препятствием.

Это не было похоже на киношный взрыв. Не было красивого огненного шара. Сначала взметнулись в облаке дыма и пыли листы покрытия на крыше. Затем, словно дунул невидимый насос внутри ангара, вспучились, замерли на секунду и сложились внутрь легкие металлические фермы стен. Стеновые панели частично разлетелись в стороны, частично рухнули вместе с фермами. Крыша посередине подпрыгнула, раскидывая куски настила, а затем провалилась целиком, поднимая столб бурой пыли и асбестовой крошки.

Изнутри вырвалось пламя, словно там что-то детонировало, хотя ничего такого в ангаре не было. Разве что бензобаки моего «Фиата» — учитывая ценность груза, несмотря на охрану территории, я оставил его под замком в складском ангаре.

Но пламя тут же погасло, внутрь, заглушая треск плавящегося пластика, посыпались куски горячего бетона и разорванной арматуры от стеновых опор. Ошметки стен и крыши ангара осыпали все вокруг на территории складского центра. Облако пыли медленно оседало, покрывая окружающие строения и редкие машины, включая подготовленный к отправке грузовик.

Я отстегнул ремень и вышел из машины. Ноги были ватными. Внутри что-то оборвалось с глухим, тяжелым стуком. Это был не страх и не паника. Это было ледяное, звенящее осознание коснувшейся меня лично беды. Я вглядывался в наш логистический центр. Там, где еще вчера кипела жизнь, теперь были лишь дымящиеся руины...

Война давно стерла разницу между тылом и фронтом. Причем сделала это максимально буднично и несправедливо. Ростов-на-Дону подвергался налетам постоянно. НПЗ, железнодорожные станции, торговые центры и, конечно же, склады — все было целью для ракет и беспилотников. Мы уже подпривыкли к этому. И даже разбитая квартира, которую я снимал, воспринималась, как нечто само собой разумеющееся.

Но сейчас я четко и ясно осознал, что избежал гибели лишь потому, что опоздал на работу. Если бы я не видел этого своими собственными глазами, то, вероятно, лишь пожал бы плечами, в очередной раз возмрадовавшись своей везучести.

А сейчас, глядя на облако оседающей пыли, сквозь которую проглядывались руины складского ангара, я совершенно отчетливо представил себя сидящим в своем Дукато, который буквально сминается тяжелыми обломками крыши и стен.

Я сел обратно в машину и посмотрел на Ольгу. Она уставилась перед собой пустыми глазами. По ее щеке текла тушь. Глядя на этот темный подтек, я подумал, что если бы не утренний макияж, а перед этим нежный секс на рассвете, игнорирование будильника, борьба с желанием подремать... Если бы не все это, то мы оба сейчас были бы погребены под обломками.

Я вспомнил, как буквально еще минут сорок назад, подгонял Ольгу, а она то подводила глаза, то не могла застегнуть туфлю, то, уже внизу у машины, вспомнила про оставленный на кухонном столе телефон...

Неожиданно в голову влезла мысль, что война все равно догнала Ольгу. Она была из Харькова. И когда началась СВО, рванула в Россию. Ее родители уезжать не захотели, остались там. На мой вопрос – а почему в Россию, она ответила «А куда же еще?». А потом честно добавила: «Ну, вообще-то было все равно куда. Но тогда думалось, что на Украине война быстро догонит».

Еще раздавались глухие «бахи» систем ПВО, а округу уже оглашали сирены медицинских и пожарных машин.

— Ладно, погнали. – глухо произнес я и под оглушительные сигналы возмущенных водителей, вклинился в поток, соскочив с тротуара.

... До гостиницы я добрался поздно вечером, почти ночью. Ольга отправилась к себе одна, сказав, что у нее ни на что не осталось сил, даже на простое общение. Я ее понимал, ведь и сам находился в таком же состоянии.

Весь день прошел в суете. Пожарные и спасатели заливали водой и пеной тлеющий профнастил, потом разгребали завалы. По великому счастью, внутри никого не было.

Наш управляющий, Витька, я, Ольга и весь прочий люд, задействованный в работе нашего фонда, судорожно занимался бюрократией — от закрытия журналов инструктажа по технике безопасности до объяснительных друг другу и показаний для прокуратур, как военной, так и гражданской. Еще примчались вояки, чей груз мы должны были везти и который вчера проверили их прокурорские. Они, вояки, тоже хотели от нас объяснительные и активировали уничтоженный груз. А прокурорские все допытывались – почему мой Фиат был внутри ангара, а не на стоянке. Но, кажется, удовлетворились моими благими намерениями.

А Фиат был полностью уничтожен со всем грузом. Мало того, что его завалило, так он еще и загорелся. Пока примчались пожарные, он успел со всем содержимым выгореть полностью.

Это был уже третий потерянный мой автомобиль. Сначала была тентовая «Газель» и водитель Толик. Грузовичок надорвался на военных дорогах и даже рукастые мастера на СТО не смогли его воскресить. Потом был «Форд Транзит», который мне доверили лично. Он погиб смертью храбрых при налете «птичек»¹³. И мне, после этого, достался Фиат Дукато. Не новый, но вполне себе крепкий. Теперь вот и он...

...Войдя в гостиничный номер, я уже предвкушал теплый душ и рюмку... Нет, стакан терпкого коньяка, который купил по дороге. Но тут в дверь постучали.

Я никого не хотел видеть. Я хотел душ, коньяку и выспаться. Поэтому первым желанием было не отвечать, притвориться, что не слышу. Или же, что меня вообще тут нет. Но стук настойчиво повторился, громче предшествующего.

Я раздраженно распахнул дверь. И застыл. Передо мной, опершись одной рукой на косяк, другой в свою стройную талию, скрестив ноги, обтянутые джинсами, стояла Марина собственной персоной. Она же Рысь, она же капитан ФСБ¹⁴.

Глава 3.

Судьба любит театральные жесты и крутые виражи. И это был один из таких.

¹³ Это описано в книге «Позывной «Кедр».

¹⁴ Персонаж, один из главных действующих лиц книг «Флэшка» и «Позывной «Кедр».

— Твою мать... — выдохнул я. — Какие, йопты, люди!

Марина склонила голову набок, разглядывая меня так, словно я был дефектной деталью на конвейере. В ее жесте — упертой в бок правой руке с поблескивающим на безымянном пальце платиновым кольцом-печаткой — сквозило столько ленивой властности, что у любого обывателя по спине бы побежали мурашки. Я как раз и был таким, и мурашки размером с кулак маршировали сейчас по моему позвоночнику.

— Привет. Леший! Вижу, гостиничный сервис все так же на высоте, — она мазнула взглядом по обшарпанным обоям за моей спиной. — Номера с видом на руины склада пользуются спросом?

Я отступил в сторону, пропуская ее внутрь. Дверь захлопнулась с тяжелым стуком, отрезая нас от шумной улицы внизу. Марина прошла к единственному креслу, бесцеремонно сбросив на пол стопку моих нестиранных футболок, и села, закинув ногу на ногу, едва не задев журнальный столик.

Джинсы на ней были такие же, как и три года назад, в первую нашу встречу¹⁵. А вот морщинки в уголках глаз стали глубже. И у самых корней идеально черных волос пробивалась редкая, почти незаметная паутинка седины. Мы ведь вроде как ровесники, вспомнил я. Тридцать пять. Только мне они достались в виде залегших под глазами теней от хронического недосыпа, а ей в виде этой аристократической проседи хищника.

— Могла бы предупредить, — буркнул я, ногой отодвигая футболки. — У людей бывают планы. Типа душа и коньяка. Или романтические вечера, например.

— Твоя романтика сегодня сгорела вместе с ангаром, Леша, — она кивнула в сторону окна, где сквозь шторы едва пробивался тусклый свет уличных фонарей.

Я молча прошел к тумбочке, взял коньяк и два стакана. Граненых, которые стояли тут, кажется, со времен расцвета СССР. Сорвал крышку с бутылки и плеснув в стаканы, сел на кровать напротив нее. Бутылку поставил между нами на журнальный столик, словно пограничный столб.

— Ну, за встречу. — я поднял свой стакан.

Она взяла свой. Мы чокнулись. Я выпил залпом. Она же сделала маленький глоток, даже не поморщившись, хотя коньяк был дрянным.

— Ну, рассказывай. — произнес я. — Кстати, мне прекрасно помнится, что каждая наша встреча заканчивается для меня больничной койкой. Три года назад прострелянное легкое, чуть больше года назад сломанное ребро и два осколка в ноге.

Она улыбнулась, а я продолжил с сарказмом:

— По законам жанра через полчаса сюда прилетит «химера» или «арта»¹⁶.

— Никаких «арт» и «химер», Леш. Просто хотела в неформальной обстановке кое что прояснить. И ты мог бы мне кое о чем поведать. — загадочно произнесла она.

Я выпятил нижнюю губу, придав лицу слегка удивленное выражение и спросил:

— О чем же?

— О серых пластиковых ящиках, которые напрочь разнесло при сегодняшнем налете.

— Их списали, Марин. Груз уничтожен. Там ничего не осталось, кроме спекшегося пластика. Есть акты, под которым стоят подписи военных, пожарных, прокурорских, наши.

Она кивнула и сказала:

— Это все понятно. Скажи, почему военные не повезли сами свой груз?

— А я знаю? Ну, вроде как возникли у них там какие-то проблемы с транспортом. Или с чем-то другим. Вот на нас и оформили доставку. Такое уже не первый раз. Груз-то двойного назначения.

¹⁵ Первая встреча этих героев описана в книге «Флэшка».

¹⁶ Химера – РСЗО «HIMARS», «арта» - на сленге – артиллерия.

Рысь кивнула и снова спросила, внимательно глядя на меня:

— А машину ты на ночь оставил в ангаре для безопасности?

— Меня сегодня прокурорские теми же вопросами пытали! Ты на что намекаешь? – я начал раздражаться и плеснув себе в стакан коньяка, поднял его, глядя ей в глаза, влил себе в глотку огненную жидкость.

Марина улыбнулась:

— Не злись, Леший, это банальные вопросы для прояснения ситуации. Скажи, а прокурорские проверки, как вчера, часто бывают?

— Проверки постоянно. – вздохнул я. – Военная прокуратура бывает, но, пожалуй реже остальных. Больше внутренний аудит, гражданская прокуратура, твои коллеги иногда. Кстати, вчера проверяющие заявили под прикрытием росгвардейцев, возможно какие-то прикомандированные «шишки».

Она кивнула и задала очередной вопрос:

— Они весь груз досматривали?

— Нет, только тот, военный. И ящики не вскрывали, лишь сверили со своими бумагами количество контейнеров, номера и QR-код сканировали своим телефоном.

Марина вздохнула, помолчала несколько секунд и сказала:

— Когда вы должны были уехать сегодня? И кто это решал?

Я усмехнулся:

— Решал я, назначил время убытия на 7:30. Но, блин, сам же опоздал.

— И почему же?

— Из-за подружки. У нее ночевал. Ну... Проспали немного. А потом она собиралась долго, уже спустились, она спохватилась, что телефон забыла. Вот как-то так. Опаздывал-то минут на пятнадцать. Тут налет. В ангар прилетело на наших глазах.

Я снова налил себе и, не чокаясь с Мариной, выпил. В голове уже начинало шуметь – глотать коньяк на пустой желудок «с устатку» так себе занятие. Но нервы требовали седации¹⁷.

Рысь призадумалась и после минутной паузы произнесла:

— Еще кто-то опоздал?

— Так все к девяти приходят. Так что к 7:30 должны были приехать лишь отъезжающие, то есть я и Димка, водитель грузовика. Документы на груз все оформлены еще вчера.

— Твоя подружка... Она кто, от куда?

— Она то тут с какого бока... Сама чуть не пострадала... — пробурчал я. — Бухгалтер наш, Ольга, сама из Харькова, в 22-м свалила в Ростов. Родители там остались, что с ними она не знает.

— А чего ты сейчас не у нее? – с оттенком ехидства спросила Марина.

— Да устали мы за сегодня оба. Она сама сказала, что, мол, одна выспаться хочет. Ну... Потом навестаем. Мы в отпуск в Турцию собираемся. Э-э... Собирались. Она какие-то «горящие» туры нашла. Пока я бы был в отъезде, она должна была бы забронировать.

Марина призадумалась, уставившись в пол. Потом взяла в руку стакан с коньяком, перевела взгляд на мою переносицу, улыбнулась и произнесла:

— Давай за тебя, Леший. Что сегодня судьба тебя в очередной раз уберегла.

Я плеснул себе коньяк, мы чокнулись. Она снова лишь чуть отпила, я же махнул залпом. Потом спросил:

— Ты от ФСБ занимаешься этим делом?

Марина помолчала и ответила:

— Не совсем этим. Вернее, как бы совсем не этим. Еще точнее параллельным, но которое пересеклось с тем, чем следовало бы заниматься, а не той ерундой, которой я должна.

¹⁷ Успокоение.

— То есть ты занимаешься чем-то втихую от всех? - воскликнул я.

Рысь усмехнулась:

— Ну, не совсем втихую от всех. Но от своего непосредственного шефа в Москве – да. Правда есть кое-кто из руководства, кто меня прикрывает, поскольку заинтересован в этом деле.

— Ты в своем репертуаре¹⁸. А о чем вообще речь?

Марина пожевала губами и сказал, понизив голос:

— Тебе лучше не знать. Но, если в общем и целом, грядет крупный скандал. Некие работчики, они же производители, выбили крупные государевы деньги на разработку чисто отечественных дронов и «мозгов» для них же.

— Надо же. – пробурчал я. – У нас и так могут...

Марина, не обращая внимание на мою реплику, продолжала:

— Сюда же включены радиостанций, тепловизоры, блоки обработки сигналов для РЭБ. А так же блоки для направленного электромагнитного импульса и различные средства защиты от него же. Более того, часть такой продукции, по техзаданиям, должна выдерживать близкий взрыв. И все это – чисто военная продукция. Конечно, все курируется определенными людьми в Министерстве обороны.

Она замолчала, глядя мне в глаза, словно сканировала мои эмоции, пытаясь понять, как я осмысливаю эту информацию. Я тоже молчал, ожидая продолжения. Хотя уже начинал догадываться.

— Так вот. – снова заговорила Марина. — Вся продукция, на которую выделены огромные средства, производится якобы у нас в стране из чисто отечественных компонентов. Демонстрируется это все министрам и даже Президенту. Только вот беда – вся она не имеет никакого отношения к отечественному производству. Все составляющие для нее закупаются, в основном, в Китае. Кое что в Южной Америке.

Я усмехнулся и опять процедил:

— Значит все таки не могут...

Марина тоже усмехнулась и продолжила говорить:

— Здесь нужно просто собрать. Причем не свинтить, доработать и приварить, а просто примкнуть на защелках. А некоторые вещи приобретаются целиком, только шильдик перевесить и все!

— Хрена себе... — пробормотал я.

Рысь кивнула и продолжила:

— Из-за границы все идет, как гражданская продукция, конечно же. От разных производителей, разными поставками, разными путями. А уже тут приобретает статус военной. И лишь периодически, когда что-то случается, оформляется, как двойного назначения. Более того, сама продукция так себе. Дроны «маму» теряют¹⁹, РЭБ их бьет издали. РЭБ из этой же продукции срабатывает, когда поздно уже. А близкий взрыв все выдерживает из-за банальных бронелистов, которые лишь утяжеляют саму аппаратуру. Но при этом внутренности все равно выходят из строя. Ну, словно их контузило.

Она замолчала, а я хмуро дополнил:

— А рекламации посылать никто не спешит. Потому что надо воевать, а не бумажки писать. Так? Да и определенный генералитет такие рекламации в корзину отправляет.

— И дает звездянок тем, кто их пишет. – поддакнула Марина.

И мы одновременно, в такт, вздохнули. Рысь продолжила:

¹⁸ В предыдущих книгах – «Флэшка» и «Позывной «Кедр» - Марина тоже занималась расследованиями полулегально.

¹⁹ Теряют связь с оператором.

— Есть две вещи. Первая – если бы груз доставили военным вы, то рекламации они прислали бы вам. А уж вы бы отправили производителям. Ведь вам то никакие генералы не указ. И информация о полном дерьме с прекрасно проплаченных производств распространится через вас. И не дай бог попадет куда-то не туда.

Она замолчала и я спросил:

— А вторая вещь?

— Видишь ли, если это все, вся эта продукция приобретет массовые масштабы, то через пару лет над Москвой будут роиться такие стаи, что Ростов покажется детской песочницей!

— Пару лет? – выдохнул я. – Думаешь вся эта кутерьма еще на пару лет?

Марина вздохнула и ответила:

— Да хрен их там знает... Так вот, Лешик, в связи со всем этим, да и с сегодняшним взрывом вашего склада вместе с твоим «Фиатом», возникает множество вопросов.

Я вытаращился на нее:

— Ты думаешь... Э-э... Думаешь все это не случайно? Ну, прилет в наш ангар?

Рысь проигнорировала мой вопрос и задала свой:

— Кто дольше всех работает в этом логистическом центре и больше всех мотается за «ленточку»?

— Кажется... Э-э... Клавка, наверное... Она дольше всех работает. А чаще мотается к воякам... М-м... Ну, это точно я.

— Клавка это кто?

— Местная, из Ростова. Рядом живет. Она кладовщица рядовая. Дети у нее уже взрослые, дочь и сын уехали учиться в Питер, кажется. Муж на пенсии. Вроде как из Кривого Рога переехали сюда еще лет двадцать назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.